

Александр ШИФМАН, доктор филологических наук

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», 28 ноября 1980 г.

«...ЭТОТ СТАРЕЦ ВЕЛИЧАВЫЙ»

I

Александр Блок не сразу, не с юных лет ощущал свою близость к Толстому — раннее творчество Блока развивалось в русле, более близком к художественному мышлению Достоевского. Но начиная примерно с 1906 года Толстой, его творчество, его взгляды на искусство все более глубоко занимают поэта.

Место Толстого в духовном мире Блока прояснено в ряде ценных работ В. Орлова, З. Мияц и других крупных исследователей. И все же в дни столетнего юбилея поэта уместно еще раз напомнить, что Блок был близким по духу современником Толстого, его соратником в борьбе с реакцией и мракобесием, за литературу, нужную народу.

Биографами поэта установлено, что еще в гимназические годы он прочитал многие произведения Толстого и был увлечен ими. Первой пьесой, увиденной им на сцене, были «Плоды просвещения». В 1897 году 17-летний Александр Блок назвал Наталью Ростову своей наиболее любимой героиней. К следующему году относится его известное стихотворение «На вечере в честь А. Толстого», более обращенное к возлюбленной поэта, но оно заканчивалось словами, свидетельствующими о понимании молодым Блоком всемирного значения Толстого.

И мне хотелось
в блеском славы
Зажечь любовь к Тебе
на миг,
Как этот старец величавый
Себя кумиром здесь
воздвигл.

В предреволюционные годы Толстой еще не занимал большого места в раздумьях Блока. Но по мере роста и мужания его таланта, с выходом поэта в большой мир, его интерес к Толстому неизменно возрастает. Об этом свидетельствует записная книжка поэта, в которой перечисляются прочитанные им книги Толстого и о Толстом. Есть основания полагать, что с этого периода начался для Блока длительный, сложный и противоречивый процесс пересмотра им своих идейно-творческих позиций.

II

25 июня 1906 года А. Блок писал поэту Е. Иванову: «Стихов писать не могу — даже смешно о них думать. Ненавижу свое декадентство и бичую его в окружающих, которые менее повинны в нем, чем я. Настал декадентству конец...».

Здесь не место описанию сложной эволюции, пережитой Блоком, в конечном счете приведшей его к отрицанию декадентства. Было бы упрощением приписать эту эволюцию только творческому воздействию Толстого или какого-либо другого писателя. Но для нас важно подчеркнуть все нарастающий в эти годы интерес Блока к Толстому, напомнить о том, как он читал и откликался на его сочинения.

18 июля 1908 года Блок писал из Петербурга матери, очевидно, в ответ на ее письмо: «Действительно, мама, удивительная вещь — «Не могу молчать». Толстой благодарил здешние газеты за напечатание...». Статья «Не могу молчать» была направлена против кровавых злодеяний самодержавия. С ней открыто солидаризировались

лучшие люди России — Горький, Короленко, Репин, Серафимович. Среди них был и Блок. Его откликом на толстовский «манифест» была вскоре написанная статья «Солнце над Россией», где открыто выражена солидарность с Толстым соединяется с необычайно высокой оценкой роли великого писателя.

Предстоявший в августе 1908 года 80-летний юбилей Толстого еще более привлёк внимание поэта к нему. В начале этого месяца Блок пишет матери, что «очень хочет перечитывать Толстого и Тургенева». Углубленное чтение Толстого и размышления о нем заставляют Блока еще больше задуматься над тем, что есть истинное искусство. И в записной книжке он называет образцом подлинно народной литературы творения Толстого, в частности его роман «Воскресение». В сопоставлении с этим Блок отмечает: «...А. Белый... Чулков, Арцыбашев — НЕ народное».

В последующие годы, отдавая богатую дань символизму, но и отмечая все нарастающий разрыв между декадентским искусством и народными представлениями о прекрасном, Блок постепенно пересматривает свои позиции и все более идет навстречу здоровому народному искусству, олицетворяемому в его глазах творениями русских классиков.

III

В записной книжке Блока от 19 августа 1908 года мы находим новую запись о Толстом. Она гласит: «Фельетон о Льве Толстом — к 28 августа (гений действует на современность самым присутствием, независимо от своего сознания...)» — в «Слово». Здесь речь идет об уже упомянутой статье «Солнце над Россией», появившейся позднее в журнале «Золотое руно». Резкое ее отличие от многочисленных других статей, посвященных юбилею, — в непримиримом противопоставлении «горестной, но все той же великой России» — ее всевластным правителям, символом которых выступает зловещая тень «упыря» — К. Победоносцева.

Говоря о строгом правительственном запрете юбилея, все-народного праздника русской культуры, Блок вспоминает в

этой связи «мертвую руку», которая управляла «пистолетами Дантеса и Мартынова»; «сжигающий огонь», в котором сгорели Белинский и Добролюбов; «мертвый дом», куда был заточен Достоевский, а также «кровавые зори» девятого января 1905 года. И вот, по его словам, снова: «Тень старого упыря наложил запрет на радость».

Всемирный гений — под «недреманным оком» охранки! Тень упыря пытается затмить солнце! Что, по мнению Блока, может быть более чудовищного и нелепого?! Но поэт твердо верит, что солнце русской культуры не зайдет никогда. «Пока Толстой жив, идет по борозде за плугом, за своей белой лошадкой, — еще росисто утро, свежо, нестрашно, упыри дремлют, и — слава богу, Толстой идет — ведь это солнце идет».

IV

Остановимся на раздумьях поэта, вызванных чтением некоторых произведений А. Толстого. Особенность Блока-читателя в том, что художественные творения Толстого вызывают в нем действенный отклик, заставляют по-новому взглянуть на жизнь, побуждают к новым решениям и поступкам.

Так, в связи с уже упомянутым прочтением статьи Толстого «Не могу молчать» А. Блок немедленно вступает в резкую полемику с реакционным философом В. В. Розановым, утверждавшим, будто борьба между народом и самодержавием определена якобы не социальными причинами, а извечными темными инстинктами, заложенными в людях. Нет, утверждает Блок, борьба между революционерами и правительством есть борьба мужавшей России против ее жестоких поработителей. «И если где такая Россия «мужает», то, уж конечно, — только в сердце русской революции...».

Столь же глубоко воспринимает он и роман «Воскресение», который прозорливо определяет как «завещание уходящего столетия новому». В романе он особенно выделяет то место, где Толстой называет народ «настоящим большим светом», в котором Нехлюдов открывает для себя «совсем новый, другой мир», прекрасный мир народной жизни...

Под этим углом зрения Блок

в это время перечитывает и роман «Война и мир». Этот вечно актуальный роман, повествующий о прошлом, но ставящий острейшие вопросы современности, заставляет Блока снова глубоко задуматься над судьбами России и собственной судьбой. В его записной книжке от 14—15 июня 1909 года мы читаем: «Волнение идет от «Войны и мира» (сейчас кончил II том), потом распространяется вширь и захватывает всю мою жизнь и жизнь близких и близкого мне». Через несколько дней, продолжая читать эпопею Толстого, он пишет матери: «Я давно уже читаю «Войну и мир» и перечитал почти всю прозу Пушкина. Это существует».

В последующих записях Блок, опираясь на Толстого, еще решительнее, чем раньше, утверждает народ как решающую силу истории. В его мировоззрении все более укрепляется убеждение, что истинная сила и правда — в простом народе, в его честной трудовой морали.

V

Оказал ли Толстой влияние на мировоззрение и творчество Блока? На этот вопрос нельзя ответить упрощенно. Блок был очень большим и самобытным художником, чтобы можно было говорить о чем-либо прямом влиянии на него. И все же некоторые толстовские мотивы можно проследить и у Блока.

К примеру, в цикле «Город», в таких стихотворениях, как «Поднимались из тьмы погребов...» (1904), «Улица, улица...» (1905), «Сытые» (1905), «На чердаке» (1906), и других можно уловить некоторые горькие интонации толстовских описаний городских низов и трущоб в его широко известных статьях «О переписи в Москве» и «Так что же нам делать?».

Иногда Блок использует некоторые сюжеты толстовских творений. Так, к стихотворению «На железной дороге» (1910) он сделал следующее примечание: «Бессознательное подражание эпизоду из «Воскресения» Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова на бархатном кресле ярко освещенного купца первого класса».

Действительно, некоторые детали стихотворения и его общая тональность созвучны известной

сцене романа «Воскресение». У Блока, как и у Толстого, она, обманутая, несчастная жертва социальной несправедливости, бежит за поездом, вглядываясь в окна мелькающих мимо вагонов, а он, барин, гусар, прожигающий жизнь, едва удаивает ее беглым взглядом.

Лишь раз гусар,
рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней
улыбкой нежной...
Скользнул — и поезд
вдаль умчался.

Здесь не подражание Толстому, а использование сходного сюжета. Содержание стихотворения в целом далеко от фабулы романа.

Образами великого писателя навеяны и некоторые другие стихи Блока, например строки из стихотворения «Май жестокий с белыми ночами...» (1908):

Хорошо в лугу широком
кругом
В хороводе пламенном
пройти...
Но достойней
за тяжелым плугом
В свежих росах поутру
идти!

Как уже отмечалось исследователями, эти строки и аналогичное место в статье «Солнце над Россией» навеяны картиной И. Репина «А. Н. Толстой на пашне».

Порою Блок пользовался крылатыми толстовскими словами для лучшего выражения своей мысли. К примеру, чтобы подчеркнуть глубину и несправедливость социальных пороков современного ему общества, он несколько раз в записной книжке приводит толстовскую фразу из рассказа «Смерть Ивана Ильича»: «Не в слепой кишке, не в почке дело, а в жизни и смерти».

И все же приведенные примеры нельзя трактовать расширительно. В целом поэтика Блока была далека от поэтики автора «Воскресения». Потому, возможно, Толстой не выделил Блока из общей среды поэтов-символистов, творчество которых он без исключения относил к «господскому» искусству. Незамеченной для Толстого осталась идейно-творческая эволюция Блока, проходившая уже в самые последние годы жизни писателя. Но если говорить о мировоззрении Блока в широком смысле слова, о большом пройденном им пути от мистико-романтических представлений ранней поры до реализма и народности его позднейшего творчества, то неустанный интерес к Толстому был для него, несомненно, ценным и плодотворным.

VI

Уход и смерть Толстого Блок пережил как тяжелую личную утрату. В ответ на письмо матери, в котором она назвала газетную свистопляску вокруг ухода Толстого «оскорбительной», а поведение семьи писателя — «пошлым», Блок писал ей из Петербурга:

«Мама, я эти дни читаю все газеты. Ты говоришь — оскорбительно. Конечно, все известия и мнения оскорбительны, но я не знаю, чьи более — правые или левые. Пожалуй, левые: они лежат на животе и пищат... Относительно семьи я тоже не совсем с тобой согласен. Иначе говоря, эта пошлость не так вредна, как другие некоторые (например, Милуков и Родичев, едущие на автомобиле на похороны). Кроме того, никто из семьи не соврал, что у Толстого было намерение раскаться. Все-таки это много».

Это краткое письмо примечательно во многих отношениях. Знаменательно замечание, что так называемые левые газеты «лежат на животе и пищат». Тут вспоминается уничтожающая характеристика либеральных «Ба-

лашкиных», которую В. И. Ленин дал в статье «А. Н. Толстой».

Наконец, Блок, несомненно, осведомленный о разладе в окружении писателя, посчитал очень важным, что вопреки нажиму высших властей, пытавшихся любым путем заполучить сообщение, будто умирающий Толстой «примирился» с царской властью, никто из его семьи на эту ложь не пошел. Это действительно было очень важно. И Блок оценил это в полной мере.

В годы реакции, отдавая иногда дань своим прежним верованиям, Блок временами как бы охладил к Толстому. Но начиная с 1911 года интерес к наследию писателя у него снова усиливается. С еще большим, чем ранее, преклонением Блок относится в эти годы к реалистическому наследию Толстого, видя в нем заслон против декадентских выкрутасов и извращений. В письме к начинающему писателю Н. С. Архиповой он пишет 11 января 1911 года:

«Вспоминайте Толстого. Возвращайтесь иногда к его книгам, даже если это будет Вам иногда скучно и трудно. Толстой всем нам теперь помогает и светит».

В этом письме Блок уже прямо противопоставляет декадентству как мертвому, выродившемуся искусству вечно живое, нужное людям творчество Толстого.

Утверждению реалистических принципов Толстого, в первую очередь его глубокого психологизма, Блок теперь уделяет много места в стихах и поэмах. Исследователи прослеживают, например, прямую переключку между поэмой «Возмездие» и «Живым трупом». И там и тут — герой, который не может примириться с окружающей ложью и отвергает ее ценой собственной жизни.

VII

После Октябрьской революции отношение Блока ко многим аспектам толстовского гуманизма, естественно, меняется. В статьях «Интеллигенция и революция», «Крушение гуманизма» (1919) и других, как и в поэмах «Двадцать», «Скифы», «Возмездие», звучит гимн революции, совершаемой отнюдь не толстовскими методами. Утверждая благотворность революционного преобразования общества, Блок в эти годы более, чем когда-либо, далек от толстовской проповеди непротавления злу насилием. Вместе с тем в его творчестве этих лет, особенно в публицистике, неизменно звучит убеждение, что революция — это осуществление многовековых, тяжело выстраданных народных чаяний, выраженных в которых были лучшие русские писатели, в том числе Лев Толстой.

«Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, — пишет он, — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет... они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна».

Верой в светлое будущее жил в эти тяжелые годы и Блок. Его проникнуты его поэма «Двадцать» и вся публицистика революционной поры. Применивая формулу В. И. Ленина, можно сказать, что Блок в течение своей жизни преодолел многие из «кричащих противоречий», которые мучили и терзали Толстого. За религиозной оболочкой, в которую были облачены сугубо земные, гуманистические принципы Толстого, Блок прозорливо разглядел их истинно народную, глубоко человеческую сущность. Отсюда то большое место, которое яснополянский мудрец занимал в творческих раздумьях поэта.

Из иллюстраций к поэме Блока «Двадцать».

Рисунок Ю. АННЕНКОВА (1918 г.) и
гравюра И. ФРИДЛЕНДЕРА (1925 г.)

